

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории южных и западных славян
Институт славяноведения РАН

ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ МГУ

Книга 8

СЛАВЯНСКИЙ МИР: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

В ознаменование 70-летия кафедры
и 175-летия учреждения славистических кафедр
в университетах Российской империи

Москва
2011

УДК 950(091); 930(092)
ББК 63.3гП
И90

И90 Историки-слависты МГУ : Кн. 8 : Славянский мир: в поисках идентичности : В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. – М. : Институт славяноведения РАН, 2011. – 1172 с.
ISBN 978-5-7576-0238-7

Большая группа отечественных и зарубежных исследователей истории славянских народов представляет результаты своих научных изысканий и размышлений о судьбах крупнейшей в Европе этнической семьи на протяжении последнего тысячелетия. Адресат – историки, политологи, студенты-гуманитарии и все, кто верит в будущее славянских народов.

ISBN 978-5-7576-0238-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Проблемы историографии и источниковедения

Публикация источников

Воспоминания выпускников кафедры

Проблема идентичности в русско-украинских отношениях 1910–1920-х годов

Е.Ю. Борисёнок

Проблемное поле украинской этнокультурной и этнонациональной идентичности имеет более сложный рельеф, чем у большинства современных общностей. Вхождение украинской части восточного славянства в разные государственные системы, пребывание в культурно разнящихся пространствах привело к существенным особенностям в формировании национального самосознания в украинском культурном и политическом дискурсах.

В данной связи особый интерес представляют процессы, протекавшие в XX в., особенно в 1910–1920-е гг., в период радикализации украинского движения и государственного строительства на украинских землях. Формировавшаяся в украинском сознании особая культурно-языковая и национальная идеология получила в этот период поддержку со стороны правительственных структур, благодаря чему украинское мировосприятие стало приобретать законченную форму.

Культурно-языковая ситуация на украинских землях в начале века была достаточно сложной. Хотя в годы первой русской революции «малороссийское наречие» и было признано Академией наук самостоятельным языком, однако это не поколебало устойчивых позиций русского языка на украинских землях. На русском языке говорили в городах; русский язык господствовал в системе образования, в издательской сфере, науке, театральном искусстве, не говоря уже об официально-деловом общении и армии. Русский культурно-языковой стандарт был не просто отличительной чертой, но объединяющим фактором культурной элиты Российской империи, формировавшейся из разных этнических слоев. При этом этническая близость между великороссами и малороссами облегчала вхождение уроженцев украинских земель в имперскую элиту, тем более что малороссы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне.

Между тем в условиях мировой войны и революции так называемая «украинская идея», не только исключавшая украинцев из общерусского этнокультурного пространства, но противопоставлявшая «русскость» «украинскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Рост социально-политической активности в распадающейся Российской империи сопровождался повышением роли национального (точнее – этнонационального) фактора, что приводило к попыткам установления различных национальных режимов. В период существования Украинской народной республики и Украинской державы национальными правительствами стала осуществляться политика, направленная на повышение статуса украинского языка, что фактически означало сужение коммуникативной сферы русского языка. Для украинских правительств национальный язык являлся символом суверенизационного процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение.

Ни Центральная рада, ни гетман П.П. Скоропадский, ни Директория не смогли удержаться у власти и полностью воплотить в жизнь украинизационную программу. Однако большевики, пришедшие на смену национальным правительствам, своей политикой также создавали определенные условия для укрепления украинской этнической идентичности. Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации со всеми присущими ей особенностями, в том числе и «специфическими особенностями национальной культуры».

Несмотря на внешнее сходство правительственных курсов, осуществлявшихся в УНР и УССР (внедрение украинского языка в систему образования, перевод делопроизводства на украинский язык, поддержка украинской культуры), между ними существовали принципиальные различия, обусловленные разницей в политических и идеологических установках. Помимо прочего, важную роль играло различное отношение к «русскости». Если в УНР курс на укрепление украинской национальной идентичности шел на основе противо-

поставление его идентичности русской[1], то в УССР такого противопоставления не было: большевики выдвинули лозунг о помощи русской нации «возрожденным нациям нашей страны – встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру»[2]. Используя «специфические особенности национальной культуры», большевистское руководство фактически пыталось обеспечить интеграцию своих граждан и их лояльность посредством языковой политики, институтов образования и воспитания, контроля над средствами массовой коммуникации[3].

Большевики не только признали за украинской нацией право на существование, но и предприняли ряд мер по поддержке развития украинского языка и культуры. Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. В 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР).

В 1920-е гг. были созданы условия для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Именно на украинском языке с середины 1920-х гг. преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Так, в 1925–1926 учебном году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском языке (на русском таких ликбезов насчитывалось только 3 312)[4]. В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение по-украински[5].

[1] Гетман П.П. Скоропадский по-иному относился к проблеме соотношения «украинскости» и «русскости». – *Борисенок Е.Ю.* Гетман всей Украины Павел Петрович Скоропадский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 301–321.

[2] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 353–354.

[3] См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003; *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006.

Была создана система обучения на украинском языке, причем, снизу доверху, от начальной школы до высшей. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ – 14 430 (русских всего 1 504)[6]. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925–1926 учебном году профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% – русскими[7]. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 русских и 23 – двуязычных[8].

Изменялся и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения приема евреев и русских. Так, в 1930–1931 учебном году численность украинцев среди студентов вузов достигла 70%[9]. Столь же пристальное внимание уделялось и подготовке поколения молодых ученых: в 1928 г. уже 60 % всех аспирантов были украинцами[10].

«Охранительная» сторона большевистской политики нашло свое выражение в протекционизме в отношении национальных языков и культуры, т.е. в официальной поддержке национальной литературы, театрального, изобразительного и пр. искусства, во введении национального языка в сферу просвещения, науки, издательского дела, делопроизводство и т.п. Однозначно речь шла о пересмотре сложившейся си-

[4] «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 105.

[5] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 175.

[6] См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 89.

[7] Там же. С. 91.

[8] Там же. С. 102.

[9] Там же. С. 102.

[10] Там же. С. 112.

туации в культурно-языковом пространстве Украины, об изменении соотношения сфер применения русского и украинского языков в пользу последнего. В 1920-е гг. большевиками было немало сделано в этом направлении, однако окончательного изменения соотношения сил в пользу украинского языка не произошло. Хотя украинский язык и стал проникать в ранее недоступные для него коммуникативные сферы (официально-деловую, политическую, научно-образовательную), однако потребности единого государства в языке межнационального общения на фоне развернувшихся в 1930-е гг. централизаторско-унификаторских тенденций объективно способствовали сохранению позиций русского языка.

Тем не менее, официальная поддержка украинского языка и культуры вызвала большой резонанс в обществе. Русские интеллектуалы тяжело переживали отказ сторонников украинской идеи от общерусского культурного пространства. Настроения русского общества в период революции весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М.А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «...Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман»[11], – говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Сволочь он (гетман. – *Е.Б.*), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»[12]

Настроения переданы Булгаковым очень достоверно, они подтверждаются множеством свидетельств очевидцев украинской революции. Настроения русской интеллигенции по украинскому вопросу зафиксировал в своих дневниках ученый и общественный деятель В.И. Вернадский: «подавить или держать движение силой», «украинцы изменили», «существование культуры и языка сомнительно»[13]. Подобная реакция со стороны русской интеллигенции на происходившие перемены была характерна не только для периода революции и гражданской войны, и для более позднего периода – периода большевистской украинизации. В конце 1920-х гг. преподаватель математики Белинский из Днепропетровска считал, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это выдумка, чуждая даже для украинцев»[14]. Преподаватель физики Бароновский заявил: «На этом (украинском. – *Е.Б.*) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас ни что иное, как часть России. Никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»[15].

В этом плане русская профессура разделяла сомнения, высказанные в известном письме М. Горького от 7 мая 1926 г., в котором он резко выступил против сокращения и перевода на украинский язык повести «Мать». Считая украинский язык наречием, он был озабочен тем фактом, «что люди, ставя перед собою одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий – стремятся сделать наречие «языком» – но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»[16].

Русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, складывавшимися новыми взаимоотношениями украинского языка и русского, украинской культуры и русской. Подавляющее большинство выказывало обеспокоенность отторжением достижений русской культуры со стороны «сознательных украинцев», и поэтому образ украинца складывался как образ изменника, сепаратиста, и даже предателя. Следует согласиться с мнением Е.Е. Левкиевской, что стереотип украинца-сепаратиста в русском сознании стал формироваться именно в этот период, а русское общество восприняло украинский сепаратизм в первую очередь как конфликт культурный[17].

---

[11] *Булгаков М.А.* Белая гвардия // *Булгаков М.А.* Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

[12] Там же.

[13] *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 146.

[14] Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4172. Арк. 33.

[15] Там же. Арк. 34.

[16] Там же. Спр. 2695. Арк. 60. Копия письма.

[17] *Левкиевская Е.Е.* Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 165–166.

Следует отметить, что настороженное, а зачастую и негативное отношение к украинскому языку и культуре было характерно не только для «старой» русской интеллигенции, но и для многих сторонников коммунистической идеи. У рядовых партийцев понятие «украинец» ассоциировалось с гражданской войной и происками враждебных большевикам сил. Для них часто понятие «украинец» было некоей выдумкой классового врага — «петлюровщиной». У многих вызывало сомнения сама возможность существования украинской (и белорусской) нации. Подобные настроения были столь широко распространены, что на них был вынужден отреагировать И.В. Сталин. В президиум Х съезда поступила записка о том, будто бы большевики насаждали «белорусскую национальность искусственно»[18]. Генеральный секретарь возразил автору записки, что у белорусской нации «имеется свой язык, отличный от русского» и «поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке»[19]. Подобные же речи, заметил Сталин, велись и об украинской нации: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»[20].

Столь острая реакция на правительственную поддержку украинской культуры была не случайной. Речь шла не просто о повышении статуса украинской идентичности, но о новом распределении ролей между русскими и украинцами в социальной сфере. Принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков. В свою очередь, создававшаяся большевиками украинская советская элита пыталась укрепить свои позиции, в том числе и путем обоснования большого значения «украинскости»

[18] *Сталин И.В.* Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на Х съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 48.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 49.

для дела мировой революции. В процессе так называемой «литературной дискуссии» середины 1920-х гг., развернувшейся на Советской Украине, речь шла не просто об отличии украинской культуры от русской, а о прогрессивности первой и антиреволюционности второй. Яркий пример — теоретические построения коммуниста-романтика Н. Хвылевого, сделавшего упор на особом предназначении Украины и на необходимости борьбы с посторонним культурным влиянием, под которым понималось влияние русского языка и культуры на украинский язык и культуру. Хвылевой считал, что ориентироваться украинской культуре надо не на Россию, а на Европу[21].

«Уход» в сторону «Европы», продемонстрированный Хвылевым, хоть и облеченный в коммунистические одежды, был расценен Сталиным резко отрицательно, как ослабляющий позиции страны, строящей социализм. В свою очередь, это привело к стимулированию взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Недаром, провозглашая лозунг развития национальной культуры, центральное большевистское руководство настаивало на ее социалистическом характере. Сталин вел речь о необходимости «объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания путем усиления развития национальных культур». Иными словами, задачей советского государства была культурная интеграция народов в рамках единого общества. Большевики стремились сформировать чувство сопричастности у народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»): принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором.

В массовое сознание закладывались образы и представления, которые должны были способствовать консолидации общества, несмотря на признание существования на территории громадного государства различных этносов. Идеи и символы социализма должны были вытеснить «чуждые» совет-

[21] См. подробнее: *Борисенок Е.Ю.* Николай Хвылевой (1893–1933) // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. С. 215–238.

скому человеку традиции и ценности. Сюда следует отнести и атеистическую пропаганду, в том числе ограничение деятельности религиозных организаций, ограничение участия граждан в культовых обрядах (свадьба, крестины, похороны). Взамен предлагались новые культурные и социальные традиции, включавшие в себя новый пантеон праздников, новая гражданская обрядность, которая должна была сопровождать советского человека на протяжении всей его жизни (ритуалы, связанные с регистрацией новорожденных, с заключением браков, проводами в армию и т.д.) Все эти нововведения соответствовали общей цели конструирования новой культуры и были направлены на культурную интеграцию народов в рамках единого общества.

Таким образом, в XX в. украинская идентичность получила поддержку со стороны правительственных структур – сначала украинских национальных правительств, а затем и большевистского. Причем, если в период существования УНР и Украинской державы украинская идентичность только заявила о своем намерении внедриться в массовое сознание, то в период большевистского национального строительства 1920-х г. украинская идентичность (конечно, в советском варианте) получила для такого внедрения полную возможность. Русское общественное сознание было вынуждено адаптироваться к новым условиям. Оно переживало в этот период специфическую травму, вызванную происходившим распадом общерусской идентичности. Малороссы, не воспринимавшиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергавших концепцию триединой нации. Не удивительно, что отношение к Украине и украинцам в этот период было эмоционально насыщенно и отличалось бурной реакцией на украинизаторские усилия властей.

Большевистское руководство, создавая условия для укрепления украинской идентичности, внесло существенные изменения в русско-украинские взаимоотношения. Украинцы в новом качестве отдельной нации стали претендовать на новое распределение ролей в социально-политическом и культурном пространстве страны, что имело далеко идущие последствия.

К вопросу о целях визита Г.В. Чичерина в Варшаву в сентябре 1925 года

О.В. Бабенко

Неофициальный визит наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина в Варшаву проходил 27–29 сентября 1925 г., т.е. на заключительной фазе переговоров Великобритании и Франции с Германией о западном гарантийном пакте. Формально глава НКИД остановился в польской столице проездом в Европу. В советской прессе сообщалось, что Чичерин «выехал за границу в двухмесячный отпуск»[1]. В варшавском заявлении о состоянии польско-советских отношений Чичерина дал крайне неопределенное объяснение своему визиту в Варшаву, что можно объяснить его желанием скрыть истинные цели поездки: «Мой проезд через Варшаву связан с тем, что я еду лечиться в Центральную Европу, причем я еще не знаю, куда именно»[2].

В польском МИД и в прессе одним из инициаторов визита, кроме Чичерина, называли работника Наркоминдела М. Логановского[3], который на встречах с представителями польской стороны постоянно подчеркивал готовность советского правительства вести переговоры с целью польско-советского политического и экономического сближения[4].

Связь визита главы Наркоминдела в Варшаву с приближавшейся конференцией в Локарно совершенно очевидна. Переговоры Советского Союза с Польшей призваны были играть роль противовеса переговорам западных держав с Германией о заключении гарантийного пакта для Западной Европы, ко-

---

[1] Известия. 26.09.1925. См. также: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 500. Л. 22.

[2] Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. 4. М., 1966. С. 413. См. также: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52668. Л. 47.

[3] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 218. Д. 52685. Л. 15; РГВА. Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 501. Л. 47.

[4] РГВА. Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 501. Л. 47.